

≈ 98 мин

Мы представляем вам перевод **статьи** венгерского философа-марксиста Белы Фогараши, опубликованной на украинском языке в №2 журнала «Прапор марксизму» за 1929 год. Данная статья представляет собой обзор взглядов Маркса и Энгельса на законы природы и общества, их характеристики и взаимоотношение, на роль идеологии и её связь с естествознанием с точки зрения материалистической диалектики и исторического материализма.

Несмотря на близость русского и украинского языков, оригинальная статья представляет определённую трудность для понимания у русскоязычного читателя. Это связано как со спецификой орфографии-«скрыпниковки», так и с несовпадением философской терминологии. Кроме того, цитаты в статье переведены с немецкого напрямую и не всегда совпадают с классическим русским переводом.

В предлагаемом тексте цитаты приведены в соответствии со 2-м изданием Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, ссылки в тексте ведут на соответствующие страницы. В квадратных скобках приведены выражения, перевод которых мы считаем неоднозначным, в фигурных скобках — слова, которые отсутствуют в оригинальном тексте, но требуются в нём по контексту.

Иван Карамазов, Алексей Плотников, отдел переводов Lenin Crew

МАРКСОВО И ЭНГЕЛЬСОВО ПОНИМАНИЕ ПРИРОДЫ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

В предисловии к первому изданию «Капитала» Маркс пишет с программной

ТОНКОСТЬЮ:

«Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, — а конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества, — не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»¹.

На этой же странице находим:

«Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс...»

А ещё перед этим:

«Дело здесь, само по себе, не в более или менее высокой ступени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью...»²

Мы видим, что Маркс, давая методологическую характеристику «Капиталу», остаётся верным взгляду, который он выразил в рукописи «Немецкой идеологии», где подчёркивал единство истории природы и истории человечества. Но чтобы понять этот взгляд, нам необходимо выяснить, какой смысл вкладывал Маркс в такие понятия, как природа, закон природы, естественная необходимость и история природы, — одним словом, нам нужно

познать его взгляд на природу и естествознание.

Из вышеприведённых Марксовых слов вполне ясно, что естественно-исторический метод является для Маркса не узким школьным пониманием истории природы, а естественно-научным методом. Правильный же естественно-научный метод — это правильный научный метод вообще.

Мы отметили эти, возможно, очевидные моменты, чтобы построить на этой основе такое утверждение: для Маркса является проблематичным не научное, а именно естественно-научное познание. И хотя он больше, чем кто-либо другой, замечал эти невероятные трудности, стоящие на пути к открытию закономерности общественной жизни, тем не менее, он нисколько не сомневался, что наука к этому открытию придёт. Относительно этого за образец он считал естественно-научное познание с его уже достигнутой объективностью, что в области обществознания было целью, к которой ещё предстояло стремиться.

Понимание естествознания, закона природы и естественной необходимости, на котором основывается диалектический материализм, не представляет собой догматического принятия некоторых естественно-научных теорий какого-то времени, а включает бесконечную возможность и необходимость развития естествознания в будущем. Оно не исключает тесной связи естествознания с общественными отношениями на каждой ступени его развития. Однако оно базируется на представлении, что естественные науки уже достигли такого уровня развития, которое обеспечивает объективное познание сущности явлений природы; правда, что касается масштабов — ещё не целиком, но

принципиально — без ограничений.

На основании теории естествознания можно выяснить отношение между нашим познанием природы и познанием общества. Но пока мы обратимся к отношению между естествознанием и обществознанием, между природой и обществом; необходимо непременно решить одну проблему, имеющую решающее значение для всех этих вопросов.

Мы видели, что Маркс и Энгельс действительно критически относились к отдельным естественно-научным теориям разных времён. Так, Энгельс, например, говорит про недialeктическое понимание природы, господствующее и в естествознании его времени. Однако они придают самому естественно-научному методу объективный научный вес. Вопрос только в одном: не противоречит ли такое понимание естествознания основам самого исторического материализма? Ведь исторический материализм учит, что идеологические формы, формы общественного сознания обусловлены способом производства материальных средств для жизни. Не относится ли наука к этим формам? И не устраняется ли через это объективность естествознания? Ведь объективность познания природы не может означать ничего другого, кроме вычленения всех моментов, не отвечающих самой вещи, не присущих самому объекту, предмету.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ИДЕОЛОГИЯ. ПОНЯТИЕ ИДЕОЛОГИИ

Дабы выяснить взаимоотношения между естествознанием и идеологией, необходимо установить, что именно следует понимать под идеологией в

марксистском мировоззрении. Это понятие, как и множество других, употребляется в непостоянном, часто различном смысле, а также и в сугубо марксистском. Абстрагируясь от исторически обусловленного возникновения понятия «идеология», от его специфического значения в XVII в., мы должны сказать, что теперь³ оно употребляется в неустойчивом смысле для обозначения всех факторов сознания, всех рациональных элементов сознания вообще. Говорят, к примеру, о противоречиях между экономическими и идеологическими факторами, а понимают под последними сознание, иными словами, субъективный фактор вообще.

Когда речь идёт о пролетарском классовом сознании, часто говорят также про идеологию пролетариата, хотя Маркс и Энгельс никогда таких формулировок не употребляли.

Понятие идеологии в сугубо марксистском понимании является полностью специфичным. Это понятие означает не все, а только некоторые, определённые формы сознания. Идеология — это формы сознания, определяемые особым типом производственных отношений, в которых люди осмысливают общественные классовые противоречия; осмысление, однако, при этом является ложным⁴.

«Идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом»⁵.

Неслучайно замечательное место в предисловии к «Критике политической экономии», где перечисляются идеологические формы, не содержит в числе

этих форм науку. Философия — это идеология. А наука в строгом смысле слова не является идеологией (в основной истории марксистских понятий нужно особенно исследовать изменение значения понятий «философия» и «наука», которому они подверглись с 40-х по 60-е годы {XIX века}).

Коротко говоря, согласно историческому материализму, идеология является формой сознания классового общества, в котором взаимоотношения людей между собой стали затемнёнными (*undurchsichtig*), а отражение этих взаимоотношений в сознании стало противоположностью сознания.

Но если отношения между людьми стали затемнёнными, то не стали ли и отношения людей с природой такими же затемнёнными? Но если бы даже было так, то разве нет возможности освободить взаимоотношения людей и природы от этого тумана, пока общественные взаимоотношения годами остаются затемнёнными?

Иными словами, является ли осмысление природы таким же ложным? Является ли естествознание как рациональная форма нашего осмысления природы «идеологией»? Если уточнить исторически, мы ставим вопрос следующим образом: можно ли считать естественные науки на определённой ступени их развития идеологией в сугубо марксистском понимании, и преодолён ли теперь подобный этап частично или полностью? Это вопросы, ответ на которые будет определять отношение марксизма к естествознанию. Нельзя преодолеть эти вопросы на примерах конкретных естественно-научных проблем, скажем, теории относительности (в отношении чего уже были неудачные попытки), пока мы не решим принципиальный вопрос.

ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ПРИРОДЕ

Маркс и Энгельс трактовали проблемы исторического материализма прежде всего по сути, а формальной стороне (куда входит систематизация понятий) они уделили относительно мало внимания (см. [письмо Энгельса к Мерингу от 14 июля 1893 г.](#)). Точно так же по сути, а не абстрактно, они изучали отношения людей к природе. «Капитал» содержит целую сокровищницу мыслей про эти отношения — и эта сокровищница ещё далеко не исчерпана.

Из сказанного к настоящему моменту, которое мы дальше ещё постараемся систематизировать, прежде всего выходит, что отношения между человеком и природой Маркс, к ужасу буржуазной науки, постоянно называл обменом веществ (*Stoffwechsel*). Мы не считаем, что у Маркса это была лишь образная фраза, которая ничего нам не говорит. Как известно, обычно и в Марксовых «выражениях» про диктатуру пролетариата ревизионисты видят одну только бессодержательную фразу. Высказывание про «обмен веществ» указывает скорее на решающий методологический момент марксизма, согласно которому отношения людей к природе сами представляют собой природные процессы. Эти отношения являются производственными отношениями. Производство, в том числе способ добычи средств жизни и самой жизни, есть деятельность человека, с которой он практически подходит к внешней природе. Отражение этих отношений в сознании отнюдь не сводится к производственным отношениям, однако ориентируется на них.

В развитии этих отношений Маркс различает два главных способа мышления, соответствующие времени, когда труд не вышел из примитивных форм животно-человеческой деятельности, и времени, где труд приобретает

специфические формы как целостная человеческая деятельность в противоположность формам примитивным (см. труды Маркса, в частности, «Капитал», том I, с. 189⁶). Только этот разрыв, на котором основываются все дальнейшие различия, даёт возможность понять двойственную тенденцию марксизма: всегда подчёркивать в общих чертах общественной жизни единство природы и общества в противоположность всем попыткам это единство нарушать⁷; понимать общество как часть природы и при этом одновременно наиболее тонко выявлять особенные характерные черты общественного процесса посреди этого наивысшего единства; преодолевать всякий перенос природной закономерности и природных понятий на общественные процессы по принципу подобия, способный затемнить особенности этих процессов. За этой двойственной тенденцией марксизма в её проявлениях необходимо следить и понимать её практическое значение. Обе тенденции вместе составляют суть критически-революционной марксистской диалектики. Но, безусловно, познавать эти две тенденции отдельно друг от друга будет недостаточно: нам необходимо понимать их в единстве.

На первой, «доисторической», ступени развития отношения людей между собой не отличались от прочих отношений человека и природы, а потому и осмысление этих отношений проблемой не являлось⁸. Осмысление людьми этих отношений твёрдо остаётся на этом примитивном уровне, что и служит свидетельством касательно их отношения к природе.

Эта проблема только тогда имеет большее значение, когда общественные отношения отделились от первичных иных отношений к природе, вследствие чего возникла необходимость противопоставления общества и природного

мира, разумеется, в смысле противопоставления целого отдельной части, а не различных участков действительности. Только тогда наступает также и дифференциация осмысления природы и осмысления отношений людей друг с другом, дифференциация, возникающая на материальной базе, на основе различения примитивных форм животного-человеческой деятельности и специфического человеческого труда. В рукописи «Немецкая идеология» Маркс и Энгельс совершенно правильно уделяют особое внимание производству средств для существования на протяжении этого развития.

Развитие товарного производства затемняет отношения людей между собой. Замечания Маркса и Энгельса указывают на то, что они в равной степени считали некоторую запутанность людей в феодально-крепостнических отношениях перед развитием товарного производства преградой для ясного и прозрачного познания человеческих взаимоотношений. Хотя, впрочем, решающее изменение касаясь первичной ясности появляется одновременно с развитием товарного производства, с товарным фетишизмом. С того времени отношения людей к себе самим сменяются отношениями вещными.

Соответственно этому на место отражения в сознании незатемнённых отношений приходит отражение в сознании вещей. И, без всякого сомнения, Маркс и Энгельс понимали, что первичное осмысление людьми их взаимоотношений не имело этого вещного характера. Это недвусмысленно следует из их высказываний.

Если же принять во внимание, что развитие осмысления общественных отношений восходит от непроблематичного переживания ясных первичных отношений — через разнообразные искажённые и неясные формы — к

Как реорганизовать марксистский кружок?

идеологии, к организованным формам ложного сознания, и если отражение этих отношений в сознании снова станет ясным только в социалистическом обществе, — то как обстоит дело с нашим осмыслением природы?⁹

Исторический материализм считает отношения между человеком и природой отнюдь не неизменными: напротив, они меняются. Маркс из раза в раз подчёркивает революционную важность этого момента. Ведь он обуславливает постепенное овладение природой со стороны человека, а значит, и развитие производительных сил. Например, Маркс в своей работе «Теории прибавочной стоимости»¹⁰ говорит:

«...из определённой формы материального производства вытекает, во-первых, определённая структура общества, во-вторых, определённое отношение людей к природе»¹¹.

Однако в этих изменениях преобразование касается не природы, а производства и человека¹². Правда, временами под изменения попадают вместе с налаженным производством также и материальные составляющие природы, и то под изменения врёменные, как, например, при мелиорации земли. Однако это ничего не меняет в том, что природа является понятием объективной действительности, которая не зависит от людей и, следовательно, от исторических изменений у них, а зависит только от естественной необходимости. Даже эта действительность безостановочно меняется, но её основные приметы остаются неизменными относительно общественно-исторического развития. Маркс, различая в приведённой цитате, как и во многих других местах, отношения между человеком и природой с одной

стороны и общественные производственные отношения с другой, заранее отбрасывает утверждение, будто природа является «общественной категорией». Наше отношение к природе опирается именно на независимость её от человека. (Считать природу общественной категорией было бы возможно либо на основании теоретико-познавательного [пізнавчо-теоретичного] субъективизма, либо признавая объективную действительность отдельных природных процессов зависимой от сознания, а природу — миром, существующим лишь в мыслях, порождением сознания. Безусловно, что и такое бытие природы существует, а именно как понятие природы, однако здесь Маркс понимал под природой не понятие, а наличие (*die Daseinsweise*) объективной действительности материи).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ НАУКИ

Отношение человека к природе связано с его осмыслением природы. В истории развития человеческих представлений о природе и понятий о ней, как и в истории духовного развития вообще, можно выделить время, когда представления появлялись естественным образом (*naturwüchsig*), и время, когда сложилась наука¹³. Последняя в предельном понимании у Маркса представляет собой объективное познание вещей, познание законов действительности, не пропадающее непосредственно с миром воображения, познание сути, скрывающейся за внешними проявлениями. Во многих местах «Капитала» он противопоставляет стремление науки к истине любопытствующему мещанскому разуму. Понятие науки, лежащее в основе научного социализма, таким образом, в самой своей основе отличается от понятия идеологии. И не зря Маркс и Энгельс связывали задачу обоснования научного социализма непосредственно с

борьбой против «немецкой идеологии».

Такое понимание науки значит, что познание природных и общественных процессов, поскольку оно действительно является научным, освобождается от зависимости от производственных отношений в том смысле, что оно, будучи однажды найденным, сохраняется даже тогда, когда производственные отношения изменяются.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ

Говоря о естествознании вообще, нельзя забывать, что каждый век имел своё естествознание. Менялось не только содержание последнего: отношение духовного производства к материальному вообще отличалось в разные исторические эпохи. Малоизвестный намёк Маркса таков:

«Чтобы исследовать связь между духовным... и материальным производством, прежде всего необходимо рассматривать само это материальное производство не как всеобщую категорию, а в определённой исторической форме. Так, например, капиталистическому способу производства соответствует другой вид духовного производства, чем средневековому способу производства»¹⁴.

Это касается и нашей темы. И Маркс, и Энгельс, рассуждая об естествознании, имели в виду естествознание их времени. Именно эти выводы указывают на то, какое значение имеет ступень исторического развития естествознания в некоторый период времени для марксизма. Энгельс говорит о переходе естествознания его времени от оцепеневших понятий к по-настоящему

диалектическому формированию последних. Он подчёркивает, что естествознание достигло уже такого уровня, при котором уже невозможно уклониться от диалектического обобщения. На вопрос, почему законы диалектики в истории и природе были открыты почти что одновременно, Энгельс отвечает, что в обоих случаях должны были появиться факты, благодаря которым стало возможно открыть диалектические законы. Но если для истории эти факты дало экономическое развитие, то естествознание должно было обогатить познавательный материал до такой степени, чтобы тот сделал диалектическую мысль возможной и способствовал ей. Словом, открытие природно-диалектических связей стало обусловленным, несмотря на капиталистические производственные отношения [*знайшло своє обумовлення, не зважаючи на капіталістичні виробничі відносини*]. Три важных момента, имеющих решающее значение для дачи Энгельсом характеристики естествознанию его времени как диалектическому — это законы превращения материи, законы развития клетки и наука об изменении видов¹⁵. Совершенно характерно, что Энгельс называет особым диалектическим достижением то, что закон, описывающий свойства энергии, который ещё за десять лет до того был законом удержания силы, уже мог быть сформулирован как закон изменения материи, а теперь это означает время для написания «Анти-Дюринга».

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СТУПЕНЬ РАЗВИТИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Таким образом, капиталистические производственные отношения могут тормозить, но не останавливать развитие естествознания как всё более диалектической науки. Это не ставит под вопрос то обстоятельство, которое

Ленин позже с таким напором будет подчёркивать: что и естествоведы пребывают в плену буржуазной идеологии, что они не имеют особого желания делать последовательные выводы в естествознании, когда речь идёт о том, чтобы эти выводы практически использовать в обществе, и что вместо настоящих выводов они доходят до ложных или вовсе не доходят ни до каких. Принципиальная важность этого вопроса заключается в том, что буржуазная идеология может просочиться не только в эти последовательные выводы и философские взгляды естествоведов, но и в естественно-научное исследование как таковое. Марксистское мировоззрение в этом также принципиально не сомневается. Основываясь, например, на вышеприведённом Марксовом методологическом намёке, мы естественным образом приходим к выводу, что отношения между материальным производством и наукой в средневековье были совсем иными, нежели в новое время. Птолемея картина мира — не случайность. Так же, например, отношения между господствующим классом и биологией настолько очевидны и стали благодаря великой борьбе за дарвинизм такими отчётливыми, что про эту связь не может идти никаких споров. Однако это обстоятельство не означает, что естественники, находясь в плену буржуазной идеологии, сходятся во взглядах из-за своего классового положения, и не означает даже того, что это влияние достигает самой естественнонаучной теории. Решающим скорее является тот факт, что естествознание могло стать до определённой степени диалектическим, невзирая на мощное влияние производственных отношений на всё духовное производство. Именно эту тенденцию современного естествознания к диалектике подтвердил Энгельс.

Хотя Маркс и Энгельс не интересовались влиянием общественных интересов на

естественные науки специально, Марксовы взгляды относительно связи между наукой и экономической обусловленностью буржуазной идеологии в общественных науках полностью подтверждают этот тезис. Маркс постоянно подчёркивает, что классовые интересы на определённой ступени развития делают невозможным для буржуазной {политической} экономики дальнейшее движение к истине. Критически анализируя классическую национальную {политическую} экономию, он постоянно указывает на этот момент, где определены границы возможностей буржуазного познания, возможностей дальнейшего выявления истины. Но он не имеет сомнений, а, напротив, выразительно подчёркивает, что даже в экономической области буржуазная идеология до некоторой степени не может сдержать прогресс научного исследования. Классики {политической} экономики могут похвастаться великими достижениями в критическом рассмотрении внешних явлений (*des Scheins*), в то время как вульгарные политэкономы, напротив, и в дальнейшем остались поверхностными.

ДИАЛЕКТИКА

Так же и с иным великим источником марксистской мысли — с самой диалектикой. Маркс переработал то рациональное, что было в гегелевской диалектике. Уже это указывает на то, что можно было достичь объективного прогресса в сугубо идеологической области философии. Диалектика представляет собой не только отпечаток производственных отношений, но и находящуюся превыше этих отношений «общую форму развития мысли», а гегелевская диалектика при условии устранения из неё мистической формы представляет собой «общую форму всякой диалектики». Тем самым

принципиально признаётся в конкретном случае то, что Энгельс также в общем сформулировал в одной из своих последних *{дошедших до нас}* мыслей, а именно когда указывал, что в философских системах вообще нужно искать не негативное, ложное и устаревшее, а то, что является позитивным и прогрессивным¹⁶. Эти Энгельсовы мысли должны особенно уяснить те псевдомарксисты, кто полагает, что суть марксизма заключается в том, чтобы использовать как можно больше нелестных эпитетов по отношению к духовным достижениям классической философии.

Но то, что имеет вес для социальных наук, для философии, ещё больший вес имеет для наук естественных. Создание точных математических методов естествознания [*точных природознавчих метод досліду математичної науки про природу*], а также эксперименты сделали здесь возможной такую объективность исследования, которой в исторической науке мог достичь только марксизм. Такой взгляд, насколько нам известно, до сих пор особенно сильно подчёркивал тов. Покровский. Он приходит к выводу, что существует принципиальная разница между естественными и социальными науками, учитывая, что для первых характерен объективный характер, а для вторых — общественная обусловленность. Принципиально с его выводами можно полностью согласиться.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБУСЛОВЛИВАНИЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Важнейшая задача исторического материализма — само собой, исследовать историческое развитие естественных наук в связи с экономическим развитием.

Как реорганизовать марксистский кружок?

Взаимовлияние развития производительных сил, то есть техники и естествознания, приводит в итоге к выводу, что ступень развития производительных сил определяет, в конце концов, ступень развития естествознания. Это отношение между техникой и естествознанием, естествознанием и производственными отношениями необходимо непременно исследовать на протяжении всей истории, основываясь на указаниях Маркса и Энгельса. Эти жгучие задачи историко-материалистического исследования ничего не меняют в отношении марксизма к данным проблемам, однако необычайно важны для построения науки.

Прогресс, ход развития естествознания определяется материальными производительными силами; оно развивается в направлении, которое определяют эти силы и их развитие. Однако отсюда не следует, что достигнутое в тот или иной момент естественно-научное познание не имеет никакой объективности, выходящей за пределы границ общественных производственных отношений. На вопрос, как возможно достижение естествознанием подобного уровня объективности, ответ мы находим в том, что исследование только опосредованно обусловлено общественно-классовым характером, именно в том, что касается целостности мировоззрения, а не непосредственно ограничено им. Поэтому прогресс в распутывании зацепенелого и неизменного в естествознании наталкивается на куда меньшее сопротивление, нежели в общественных науках. Как показал Энгельс, такого распутывания в естествознании можно было принципиально достичь уже в XIX веке. В общественно-исторической области само критически-революционное становление марксизма было способно повсюду выявлять этот изменчивый характер всего бытия. Понятно, что говорить про «естественные науки» вообще

можно только с оговоркой. В соответствии с бóльшим или меньшим приближением к так называемым вопросам мировоззрения здесь слабеет или укрепляется влияние классовых интересов. Ярким примером того, на какие препятствия наталкивается приспособление естественно-научного метода к человеку, является биология, которая и ныне очень сильно зависит от выходящих за пределы естествознания [*поза природознавчих*] идеологических интересов господствующих классов.

Однако всю нашу проблему отношения природы к обществу, естествознания к обществознанию не решают ни определённое содержание отдельных наук некоторой эпохи, ни формулировка отдельных законов природы определённым образом. Решает её сам естественно-научный метод. Этот общий характер естественно-научного метода имели в виду Маркс и Энгельс, когда они говорили в целом об истории природы, о законе природы, когда они писали про применение естественно-научного метода к общественной жизни, считая такое применение неизбежным, и не для того чтобы стереть разницу между общественным жизненным процессом и иными естественными процессами, а для того чтобы, напротив, эту разницу отчётливо выявить.

Осью такого понимания проблемы природы и естественных наук является понятие закона природы. В этом понятии сосредоточен методологический характер новейших естественных наук. Можно даже сказать больше: это понятие выразительно определяет понятие «новейшее естествознание». Отношение закона природы к общественно-историческому процессу также является главным вопросом. К нему мы сейчас и должны обратиться.

ЗАКОН ПРИРОДЫ

Понятие закона природы в понимании современного естествознания существенно не отличается от понятия, которое использовалось в естествознании прошлого века. Хотя законы энергетики и шире законов механики относительно содержания (в плане объёма явлений, вовлечённых в область законов), они, однако, являются такими же законами, то есть определяют необходимую связь между явлениями, которые якобы только случайно связаны друг с другом¹⁷.

В доказательстве необходимости в противовес случайности Маркс и Энгельс видят смысл закона. Для Маркса законы — это *«тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью»*¹⁸. Марксистское понятие закона природы не отличается от понятия, на котором базировалось прежнее естествознание. Новое понимание закона природы, природной закономерности, появилось только в 80-х и 90-х годах XIX века и позже достигло своего апогея в конвенционалистских и прагматических теориях целого ряда физиков и философов, таких как Мах, Пуанкаре¹⁹, Сталло, Дюгем, Бергсон, Риккерт. Исходя из марксистского взгляда, с этими теориями ловко расправился Ленин. Главный вывод, который мы можем вынести из ленинской критики в контексте поставленной нами проблемы, заключается в том, что марксистское понятие закона природы не имеет ничего общего с новыми трактовками и больше отвечает старому, догматическому пониманию.

И опять всплывают на поверхность такие важные в контексте нашей проблемы вопросы:

1. Является ли понятие закона природы идеологическим порождением капитализма, то есть определяют ли его производственные отношения как проявление отношения человека к природе, а не объективного отношения в самой природе? Согласно такому взгляду, не подлежало бы никакому сомнению существование самих в себе объективных, независимых от человека взаимосвязей природных явлений. Такое понимание значит лишь то, что эти взаимосвязи не охвачены в своей первичной форме понятием закона, но отношение человека к природе постоянно их модифицирует (такой позиции придерживается, к примеру, Лукач).
2. Возможно ли согласовать то понятие «закон природы», которое мы находим у Маркса и Энгельса, с этим взглядом, который претендует на то, чтобы быть последовательным дальнейшим развитием марксистской мысли?

ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ — НЕ СУБЪЕКТИВНЫЙ ПРОДУКТ МЫШЛЕНИЯ

1. Всё это замешательство исходит, на наш взгляд, из того, что, рассматривая этот вопрос, не отличают закона природы как объективного отношения между природными явлениями от самого понятия закона природы. Соединение становления понятия закона природы в новейшем понимании со становлением нового капитализма имеет безусловное оправдание. Новый капитализм и появление естественно-закономерного мышления совпадают во всемирно-историческом объёме относительно времени. Поэтому и справедливо то, что нельзя усматривать в этом совпадении случайного, а необходимо, напротив, искать тут причинную связь.

Становление товарного капитализма, ставшее возможным только на основе определённой ступени развития производительных сил, принесло с собой подробный подсчёт, измерение и определение количества во всех областях мышления. Эта новая установка на интерес к абстрактному мышлению также стала причиной формулирования законов природы. На пороге нового капитализма высечены формулировки Галилея и Кеплера относительно меры и количества. Галилеева программа такова:

«Измеряй измеримое и делай неизмеримое измеримым».

Кеплер же говорит:

«Ut oculus ad colores, auris ad sonos, ita mens hominis non ad qualia, sed ad quanta intelligenda condita est» — «Подобно тому как глаз различает цвета, а ухо звуки, разум человека имеет свойство различать количество, а не качество».

Определяя, таким образом, то обстоятельство, что определённый уровень развития материального производства представляет собой основание для создания понятия природной закономерности, мы не можем не признать, что закон природы представляет собой объективные связи в рамках действительности, существующие и существовавшие ранее независимо от определённой ступени развития материального производства.

Далее, не только объективные отношения, которые находят в законе необходимое объединение, но и закон природы как понятие, как рациональное выражение этих объективных отношений, поскольку к нему вообще пришли,

становится независимым от того или иного общественного расслоения. В обществе, где новое отношение людей к природе не требовало бы знания законов природы как необходимого условия производства, не открыли бы и самих законов природы, и понятие закона природы не появилось бы вообще. Законы поведения электричества были открыты, лишь когда производительные силы стояли на такой ступени развития, что для дальнейшего их усовершенствования необходимо было знание этих законов. Однако из этого никак не следует, что законы поведения электричества не могли существовать раньше как объективные отношения. Определённое отношение человека к природе обуславливает открытие законов природы, но не сотворение самих этих законов.

Стало быть, мы можем понимать под законами природы в первую очередь определённые объективные отношения между природными явлениями, а уже во вторую — формализованное понимание этих отношений наукой. В сугубо терминологическом значении можно, например, сказать, что под законом понимается только формализованное мысленное представление о жизни. В таком случае закон не отвечает действительности, а является «гипотетическим утверждением», как, например, у логиков XIX в. Лоца и Зигварта (здесь не идёт речь о схоластической разнице между утверждением и понятием в формально-логическом понимании; во всяком случае, это утверждение имеет структуру понятия). Однако очевидно, что за такой терминологией новых логиков и теоретиков естествознания в конце концов скрывается убеждение, что законы являются лишь субъективными идеями, порождениями мышления. Коли так, вопрос не только в терминологии, ибо проблема здесь в противоположном материалистическому пониманию понятия природы идеалистическом взгляде,

для которого терминология — всего лишь ширма.

Можем ли мы допустить, чтобы наука в высокоразвитой системе производства, в социалистическом обществе, могла обойтись без понятия закона природы? Мы не видим такой возможности. Следствием высшего развития производительных сил, следствием сознательного регулирования производства вместо теперешней анархии станет и изменение отношения человека к природе. Без рационального, разумного, а не несознательного (звериного, или мистического, или даже магического) отношения человека к природе не может так далеко зайти и изменение естественнонаучного мировоззрения, мировоззрения, основанного на верном понимании закона природы. Ошибочно определённый капиталистический характер рационализма даёт возможность понять природу в её зависимости от естественных законов, но рациональный характер общественных отношений вообще представляет собой основу рационального, разумного мировоззрения в Марксовом понимании. Эти рациональные общественные отношения находят своё воплощение, однако, только в социалистическом обществе. Тогда мы можем сказать, что социализм станет причиной появления такой формы общественного сознания, которая относительно законов природы не будет негативным сознанием²⁰. Социализм откроет понятие природной закономерности, которое будет отличаться от нынешнего лишь тем, что противопоставит ему, согласно выражению Энгельса, «диалектическое мышление [*свідомість про діалектику*]

ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ — НЕ ПОРОЖДЕНИЕ

КАПИТАЛИЗМА

2. Всё сказанное доселе решает вопрос о том, сходится ли Марксов и Энгельсов взгляд на закон природы с положением о том, что закон природы якобы является порождением капитализма. К этому необходимо ещё добавить лишь один пункт, касающийся отношения природы к необходимости. Можно было бы с особым вниманием отнестись к предупреждению против понятия закономерности вообще и против природной закономерности в частности только в том случае, если бы в соответствии с марксистским взглядом область природы не исчерпывалась областью необходимости. Однако одно место в «Капитале», важное для марксистского мировоззрения, выразительно подчёркивает, что область природы всегда является областью необходимости. Маркс пишет:

«Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее

достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе»²¹.

Таким образом, выходит, что сфера природы остаётся сферой необходимости для каждой производственной системы. От слепой необходимости исходит путь, включающий всю историю человечества. Однако характер необходимости сохраняется, а где необходимость, там и закон. Для Маркса закон и необходимость представляют собой понятия, стоящие друг к другу в параллельном взаимоотношении. Законы суть необходимые отношения в процессах бытия и сознания. Указанное взаимоотношение закона и необходимости — основа марксистской науки. В то время как Марксов взгляд исходит из его терминологии, где эти понятия всегда употребляются параллельно, Энгельс посвящает этому вопросу, как и целому ряду научно-теоретических проблем, специальный анализ в переписках.

Данное абстрактное рассмотрение не дало ответа на вопрос о том, какие последствия имеет та или иная позиция относительно закона природы. В конце раздела о законе природы и законе общества, рассматривая взгляды Зомбарта и Отто Бауэра, мы ещё вернёмся к этому вопросу²².

ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО

До сих пор мы исследовали Марксов и Энгельсов взгляд на естествознание, природную закономерность, чтобы установить, какое значение имеют эти

понятия, когда речь идёт об отношении природы к обществу, естествознания к обществознанию, закона природы к закону общества. Но это было лишь временной условностью, ибо значение этих понятий для марксизма можно выяснить, лишь исходя из противопоставления природы обществу и так далее. Мы знаем, что такое природа, лишь тогда, когда вместе с тем знаем, чем она не является. Или, точнее, что именно нам следует понимать под природой, мы можем узнать лишь тогда, когда знаем, в какой связи можем противопоставить природу и общество друг другу.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЕ

Природа и человек, природа и история, природа и общество — эти понятия находятся в диалектическом взаимоотношении. Что означает данное выражение? Диалектическое взаимоотношение понятий означает, что не просто можно взаимно соотнести одно из них с другим, но и только в этом взаимоотношении они имеют рациональное содержание. Для лучшего понимания поясним это на примере. Искусство и пролетариат — эти понятия можно взаимно отнести друг к другу, но чтобы понять, что именно значит понятие «пролетариат», нам не обязательно знать, что значит понятие «искусство». Отношение между пролетариатом и искусством, таким образом, не будет диалектическим взаимоотношением. И, напротив, было бы ошибочной иллюзией предполагать, что возможно понимание категории общества без одновременного понимания того, в каких отношениях общество находится с природой. Но почему именно диалектическое взаимоотношение? — Потому что существует также и недвижимая, оцепенелая форма взаимоотношений. Поскольку прежняя логика интересовалась взаимоотношениями, её внимание

было обращено главным образом лишь на подобные статичные отношения. В новейшей логике иллюстрируют, например, такое отношение, как «отец и сын» или взаимоотношения в естественном ряду чисел, взаимную относительность. Так же и в теории Рассела, у которого всё же есть та заслуга, что он первым систематизировал статичные²³ отношения. Диалектические же отношения, напротив, являются по природе своей изменчивыми. В отношении «отец и сын» смысл понятия «отец» относительно смысла понятия «сын» остаётся неизменным, даже если бы мы и представили конкретно тысячи разных отцов и тысячи разных сыновей. Однако в рамках взаимосвязи «природа-общество» содержание подразумеваемого нами под «обществом» и «природой» постоянно меняется. Величайшей заслугой Маркса является то, что он это доказал.

Понятия «природа» и «общество» только потому находятся во взаимоотношении, что настоящая природа и настоящее общество сами находятся в диалектическом взаимоотношении. Марксизм — не первое учение, исследовавшее эту связь, но именно марксизму впервые удалось подробно в исторической форме изложить всё богатство диалектического характера этих отношений. И только марксизм мог добиться подобных результатов, поскольку всюду, где существуют буржуазные отношения, интересы господствующего класса мешали и всегда будут мешать выяснять истинные отношения между природой и обществом, в то время как интерес пролетариата — познать эти отношения в их историческом развитии и в их нынешней конкретной форме.

В первую очередь мы исследуем с позиций исторического материализма отношения природы и общества, а после — отношения естествознания и социальных наук. Маркс и Энгельс специально рассматривали эти связи:

отчасти — в различных своих работах, а отчасти определённое понимание этих связей лежит в основе их анализа — даже там, где они не разрабатывают этот вопрос подробно. Это понимание следует тщательно проработать и чётко отмежевать от буржуазных взглядов.

ПРИРОДА И ИСТОРИЯ

Из краткого изложения взаимоотношений между природой и человеческим трудом²⁴ выходит, что Маркс подразумевает под первой как природу внешнюю, окружающую людей, так и природу человеческую, включая и расовые особенности. Преимущественно слово «природа» без уточнений употребляется при этом в первом значении. Природа не имеет истории относительно общественного развития. Природа сама по себе пребывает в процессе постоянных изменений, поэтому естественно-научный метод является естественно-историческим. Однако, природные отношения неизменны, «вечны» относительно общественных отношений. В этом смысле Маркс говорит об азиатских производственных отношениях, *«которые воспроизводятся с неизменностью естественных отношений»*²⁵. Если подходить к этим Марксовым суждениям с понятийным аппаратом обычной школьной логики, можно обнаружить здесь противоречивость. Можно было бы назвать нелогичным то, что диалектический взгляд на природу находит в ней постоянную текучесть и рассматривает её существование как процесс, но при этом, с другой стороны, Маркс говорит о «неизменных явлениях природы». И только осознание того, что основания марксизма предоставляют собой именно диалектическое понимание относительности, что их содержания нельзя отделить от связи, в которой мы их рассматриваем, даёт возможность глубже узреть эту мнимую

противоречивость. Исходя из этого, мы можем понять именно марксистское понимание различия природы и общества и сможем отделить его от иных известных различий и противопоставлений. Примерно так:

РАЗРЕШЕНИЕ МНИМОЙ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ

Марксистское различие природы и общества не даёт нам ни единого основания полагать, что люди, будучи социальными существами, якобы утратили из-за этого свою природную сущность. Такое понимание вопроса не является вещественным и в том смысле, что природа и общество строго противопоставлены как две различные области реальности. Это различие устанавливает скорее формальную разницу. Человеческий труд — как *«всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни»*, так и социальный процесс. Исходя из задеревенелого, метафизического различия природы и общества, нельзя понять суть вышеприведённой двойственности труда; для этого необходимо исходить из диалектического понимания постоянного перехода природы и категорий социальных форм друг в друга.

ПРИРОДА И ТРУД

Труд выступает сперва как труд инстинктивный (*naturwüchsige*)²⁶. Это обозначение «инстинктивный» очень важно. Оно снова указывает на то, что Маркс обозначал выражениями «природа» и «общество» не столько некоторые материальные области бытия, сколько определённый род бытия действительности. В этой связи становится понятным и значение марксистского понятия «вторая природа», которое возникает в обществе, производящем

товары. Если товар представляет собой вещь (а, следовательно, труд — тоже вещь²⁷), то труд — это вторая природа в том смысле, что он противопоставлен нам, как и природа, или, точнее, окружающая природная действительность (выражение «род бытия» имеет в марксистской философии определённое специфическое значение²⁸). Тут обосновывается также и то, что невозможно дать последовательное, систематическое изложение философских оснований марксизма без исторического исследования основных марксистских постулатов).

Недиалектическая структура индоевропейских языков с преобладанием в них акцента на статичных вещественных отношениях, а не на тенденциях, изменчивых явлениях, создаёт иллюзию того, что природа и общество отграничены друг от друга. На самом же деле процесс развития от примитивной инстинктивной формы труда к коллективной происходит на протяжении тысячелетий. Исчезают примитивные условия обмена веществ между человеком и природой (а также между человеком и землёй), а вместо них в дело вступают регулирующие законы, вступает осознанная систематическая деятельность. Однако процесс труда как таковой всегда остаётся вечным, естественным условием человеческой жизни, а природа и общество проникают друг в друга в процессе производства.

Влияние социальных факторов всё увеличивается вместе с развитием производительных сил, вместе с ослабеванием власти природы над человеком. Сами природные условия не объясняют капиталистического производства.

«Благоприятные естественные условия обеспечивают всегда лишь

возможность прибавочного труда, но отнюдь не создают сами по себе действительного прибавочного труда, а, следовательно, и прибавочной стоимости или прибавочного продукта»²⁹ .

«Природа не производит на одной стороне владельцев денег и товаров, а на другой стороне владельцев одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам»³⁰

Разные естественные условия действуют на прибавочный труд только как естественная граница.

«Эта естественная граница отодвигается назад в той мере, в какой прогрессирует промышленность»³¹ .

В чём заключается особенное революционное значение этого понимания? — В доказательстве того, что капиталистические общественные отношения, которые буржуазная {политическая} экономия считает за естественные, «данные природой», ни в коем случае не являются таковыми, и что также не существует естественной необходимости, благодаря которой они должны были бы существовать далее. Если феодализм основывается на вере в «божий лад», то капитализм во многом опирается на эту веру в «естественный порядок» капиталистических производственных отношений, которые на деле являются историческими, преходящими. Эту веру, конечно, не высказывают в той абстрактной форме, которая дана в наших выводах. Тем не менее, когда миллионы отравленных буржуазным мировоззрением пролетариев в Германии

обрывают дискуссии о возможности и необходимости коммунизма утверждением «так было всегда, всегда были нищие и богатые — и так останется во веки веков», нетрудно увидеть, что подобный взгляд представляет собой не что иное, как веру в естественный порядок вещей.

Но того, что границы природного под натиском социальных факторов отодвигаются назад, а общество всё глубже входит в природу, недостаточно. Такие изначально сугубо природные категории, как природа самого человека, его расовые особенности, потребности, меняются вместе с общественным развитием.

От Боклевского географического натурализма, Тэновской теории окружения и всех подобных теорий девятнадцатого столетия, целиком сводящих историческое развитие к изменениям климата, расовым особенностям, влиянию природы, марксистская наука отмежёвывается как можно радикальнее своим историческим подходом к проблеме взаимоотношений общества и природы. Бокль и Тэн, говоря о влиянии естественных факторов на общественное развитие, не делают никакого различия между разными историческими эпохами. Тэн трактует влияние географии греческого моря, засеянного островами, на греческое искусство так же, как и влияние северного климата на Шекспира, даром что эти самые отношения подвергаются изменениям вместе с постепенным развитием производительных сил. (Поскольку ряд буржуазных критиков марксизма постоянно повторяют абсурдный тезис о том, что весь Маркс уже есть в Тэне и Бокле, нам очень важно это подчеркнуть).

ПОНЯТИЕ ПРИРОДЫ КАК ВЕЩЕСТВА И ФОРМЫ

Необходимо различать понятия природы как вещества и как формы. Как вещество человек является частью природы («природное вещество» — «*Naturstoff*» — говорит Маркс), и между человеком и окружающей его природой происходит обмен веществ — труд. Этот обмен веществ представляет собой, однако, основу для развития общественно-исторических отношений, которые относятся к категории формы. Что касается этих категорий социальных форм, то несоциальные, досоциальные моменты человеческих отношений, человеческого труда можно считать их примитивными (*naturwüchsige*) формами.

Полностью развёрнутое значение этих марксистских различий проявляется в дифференциации понятий «вещества» и «формы», которую Маркс проводит с наистрожайшей последовательностью. Здесь Маркс использовал и глубокомысленно развил рассуждения великого греческого философа Аристотеля, о котором он всегда вспоминал с изумлением. Очень важно подчеркнуть, что Маркс никогда не употребляет выражения «материя» и «вещество» как равнозначные, в то время как буржуазный, вульгарный материализм основывается на равнозначности этих понятий³² : пример — «*Kraft und Stoff*» Бюхнера³³ .

Различение природы и общества на этом основании, то есть выявление здесь не вещественной, а формальной разницы, является одним из наибольших достижений марксизма в борьбе как против идеалистической философии истории, считающей природу и историю двумя размежёванными областями реальности, основываясь на вещественном различии, так и против натуралистической буржуазной социологии, которая, руководствуясь

вещественной общностью, отрицает вышеуказанное различие в форме, а потому в практических умозаключениях имеет такую же ценность, как и идеалистическая философия истории (историк философии Виндельбанд не перестаёт удивляться тому, что идеалист Фихте и позитивист Конт доходят до в целом подобного построения историософской системы. Он утверждает, что это факт, но никак не может понять причину).

Теперь ясно, почему Маркс всегда настаивает на том, чтобы направить интерес науки на различие форм и против «грубого пристрастия к вещественной стороне дела»³⁴ вульгарного политэконома. Взаимоотношения природы и общества предстают уже на новой ступени, в особенной форме в среде капиталистического общества. Эти отношения заключаются в том, что товар выступает против человека как вещь. Темой исследования фетишистского характера товара является не отношение природы к обществу как таковое, как неизменное отношение, а особое отражение обеих этих категорий формы в производящем товары обществе.

«Следовательно, таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей»³⁵ .

И Маркс сравнивает физический процесс наблюдения с отношениями стоимости.

Оно (восприятие) представляет собой *«физическое отношение между физическими вещами»*... Физическая природа раскрывает вещественные связи, в то время как общественное отношение людей на деле не является никаким вещественным отношением, а только через товарную форму *«принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами»*³⁶.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ: ВЕЩЬ

«Общественные свойства вещей, присущие им от природы»... «Вещь»... «Физическая природа»... — каков смысл этих выражений? Из-за особенной терминологии, противопоставляющей в этом месте, в этой связи вещи в природе отношениям между людьми, может возникнуть иллюзия, будто Маркс заступает за вещественное понимание природы (сдаётся нам, эти места в действительности и привели тов. Лукача к неверной позиции, согласно которой Маркс якобы относительно природы, относительно её познания не распространил диалектику на природу).

Опять же, только благодаря характеристическим свойствам марксистской диалектической логики можно понять, какое значение здесь имеет вещь. Все марксистские понятия являются относительными. Как в приведённых ранее примерах Маркс говорит о «неизменных отношениях природы», которые неизменны лишь относительно, то есть в сравнении с историческими отношениями, так и употребление понятия «вещь» в адрес природы означает здесь относительное обозначение природных явлений при сравнении с особенными общественными отношениями, и в этой относительности природные явления получают название вещей. По своей сути природные явления не являются никакими вещами, а только процессами. Об этом пишет

Энгельс:

«Великая основная мысль, — что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются, причём поступательное развитие, при всей кажущейся случайности и вопреки временным отливам, в конечном счёте прокладывает себе путь, — эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать её в её общем виде. Но одно дело признавать её на словах, другое дело — применять её в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования»³⁷.

В связи с этим Энгельс говорит, что наука должна была с необходимостью сперва исследовать вещи, чтобы получить возможность перейти уже к изучению процессов.

Так же употребляется понятие природы в выражении «общественные свойства вещей, присущие им от природы» — в особенном значении, точнее, в значении чрезвычайно сложном. Тут речь больше не идёт о вещественной природе. В стоимость [*Wertgegenständlichkeit*], по словам Маркса, не входит ни одного атома вещества природы³⁸. Природа означает здесь естественную форму общественных отношений, а именно такие общественные отношения, которые проявляются у людей в природной форме существования. Отношение между человеком и природой здесь имеется, но уже не как вещественное

[речовинний], а как проявляющееся относительно человека, выявляющееся в его поступках и его сознании.

Так мы вплотную подошли к проблемам осмысления человеком его отношения к природе. Проблема отношения закона природы к закону общества теперь станет понятной с обеих сторон: с одной — как объективная проблема, поскольку речь идёт об объективных отношениях; с другой — как субъективная проблема осмысления этих законов. В каком отношении друг к другу находятся природный и общественный закон? Как это отношение отражается в сознании людей?

ЗАКОН ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАКОН

Ранее мы выяснили: различие между законом природы и законом общества заключается в том, что природные факторы относительно общественных отношений остаются вечными, то есть неизменными, в то время как общественные отношения — носители исторического развития человека³⁹.

Однако мы ещё ничего не сказали о внутренней связи природных явлений между собой и об отношениях этой связи к совокупности общественных отношений между собой. Эта связь заключается в законах.

До сих пор бесспорно, что Маркс и Энгельс понимали понятие закона природы в соответствии с естествознанием своего времени. После всех *{сделанных с того времени}* гигантских шагов естествознания содержание его законов, однако, *{всё ещё}* не даёт нам ни единой причины для того, чтобы устранить понятие закона природы, дать ему раствориться или в психологических, или в

логических связях, или, наконец, в отношениях, которые находятся за горизонтом рациональных отношений⁴⁰.

В разделе о товарном фетишизме в «Капитале» Маркс до предела натягивает тетиву лука различения природных и общественных отношений. Это различение руководствуется насквозь революционным принципом возможности всех общественных форм. Это было главным основанием и критерием данного различения. Поставим теперь такой вопрос: может ли оно привести к образованию пропасти между законом природы и законом общества?

ЗАКОН ПРИРОДЫ У МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

Рассуждения Маркса о законе ведутся на протяжении всего «Капитала». В определённом смысле справедливо говорит российский критик «Капитала», обоснования которого Маркс приводит, соглашаясь с ними:

«Для Маркса важно лишь одно: найти закон тех явлений, над исследованием которых он работает».

И в этих рассуждениях о закономерности то и дело обозначаются отношения между законом природы и законом общества. Нельзя, таким образом, говорить, что Маркс не видел в этом отношении никакой проблемы; для него не было проблемой равнодушие самих законов природы⁴¹, но не отношение законов природы и общества.

ФОРМУЛИРОВКА

Если мы сравним все умозаключения Маркса и Энгельса относительно закона природы, мы увидим, что речь идёт о ряде разных формулировок, отличающихся весьма тонкими оттенками значения. Не разглядеть этих формулировок, без разбору смешать их — значило бы упрощать марксизм. Однако также было бы неверно приписывать им противоречивость или непоследовательность. Что до этих непоследовательностей и противоречий в развитии марксистских понятий, с триумфом открываемых буржуазными критиками, то дело с ними обстоит так же, как и с противоречиями, о которых мы говорили ранее. Противоречивость или непоследовательность обнаруживается, только если рассматривать отдельные выводы Маркса и Энгельса изолированно, а не в общей связи.

Так, в полностью особенной связи необходимо понимать, что Маркс, в программных словах предисловия к Капиталу говоривший о естественном законе общественного движения, мог в определённых случаях противопоставить друг другу закон природы и закон общества. Он делает это во вражеском лагере, сражаясь против буржуазной [политической] экономики, которая выдаёт законы капиталистического способа производства за «вечные законы природы». Разработка законов, касающихся особенностей человеческого общества, равно как и законов конкуренции, дают отчётливые примеры того, как Маркс побеждает это буржуазное шарлатанство. Показательным примером такой формулировки может быть следующее острое противопоставление:

«Этот закон, вытекающий просто из отношения рабочего к капиталу и, следовательно, превращающий даже самое благоприятное для рабочего

Как реорганизовать марксистский кружок?

состояние — быстрый рост производительного капитала — в неблагоприятное, буржуа превратили из общественного закона в закон природы, утверждая, что по закону природы народонаселение возрастает быстрее, чем средства занятости или жизненные средства»⁴² .

Как разрабатывают Маркс и Энгельс проблему, коль скоро речь идёт о том, чтобы побороть буржуазные «вечные законы природы»?

Находим три рода формулировок:

1. такие, где говорится о естественном законе общественного движения без каких-либо дополнений, предостережений и ограничений;
2. такие, где есть добавления такого рода, что их подробное значение нужно определить;
3. рассуждения о природной и общественной необходимости.

Что до первой формулировки, достаточно указать на приведённое в начале этой работы место, где речь идёт про естественный закон существования общества.

Для второго типа важно прежде всего глубокомысленное замечание молодого Энгельса, которое Маркс приводит в «Капитале»:

«...естественный закон, покоящийся на том, что участники здесь действуют бессознательно»⁴³ .

Однако тут надо предостеречь читателя: эта характеристика никак не относится к естественным законам существования общества вообще, а только

конкретно к закону конкуренции. Поэтому неверно толковать эту характеристику так, как делает это товарищ Лукач, — будто она охватывает природную закономерность в обществе вообще. Вот иная формулировка:

«Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения»⁴⁴.

Другие места подчёркивают подобность действия общественных законов и законов природы.

Так, в «Капитале» мы имеем:

«...так как здесь внутренняя связь производства как целого навязывается агентам производства, как слепой закон, а не как закон, постигнутый их коллективным разумом и потому подвластный ему...»⁴⁵

В характеристиках природной закономерности в обществе мы раз за разом натываемся на выражение «всесильные законы», независимые от воли единиц законы. Так выражается Маркс, говоря про власть в общественном механизме процесса труда.

«...среди самих носителей этой власти, среди самих капиталистов, которые противостоят друг другу лишь как товаровладельцы, господствует полнейшая анархия, в рамках которой общественная связь производства властно даёт о себе знать индивидуальному произволу только как всесильный закон природы»⁴⁶.

«Лишь как внутренний закон, противостоящий отдельным агентам, как слепой закон природы выступает здесь закон стоимости и прокладывает путь общественному равновесию производства среди его случайных колебаний»⁴⁷.

Слепой закон имеет место всюду, в отличие от закона, который человек осознал и которым он овладел, в коллективном производстве.

ФОРМА ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНОВ

Все эти различные формулировки Маркса и Энгельса сходятся в том, что законы, регулирующие капиталистическое производство, оказывают на производителей такое же влияние, как и законы природы. Собственно говоря, в рассматриваемом смысле они не являются никакими законами. Они относятся не к взаимосвязям между природными явлениями, а к связям общественных процессов, а мы знаем, что Маркс считает эту разницу разницей формы. Но, хотя между природными и общественными отношениями как разновидностями бытия есть разница формы, при этом имеется одинаковая форма действия законов природы и законов капиталистического производства.

Когда Маркс говорит о естественных законах общественного производства, можно допустить, что речь здесь идёт об этом самом влиянии законов. Таким образом, мы можем сказать, что для Маркса закон природы и общественная связь представляют собой именно с методологической стороны одну и ту же форму, хотя и касаются разных областей действительности. Здесь можно осознать полную противоположность между Марксовым различием естествознания и обществознания и соответствующими различиями со

стороны новейшей буржуазной философии. Риккерт устанавливает это противоречие, исходя именно из противоположных взглядов. Для него существуют естествоведческое и историческое образование понятий (Begriffsbildung), различные полностью, в корне, даже противоположные, хотя они вещественно разрабатывают как одну, так и другую область. Где буржуазный философ видит различие, там марксист находит единство. Где марксизм проводит дифференциацию, там буржуазная философия и буржуазное равнодушие это различие обходят. Стало быть, марксистское разделение природы и общества не имеет ничего общего с соответствующими попытками буржуазной науки, кроме некоторого формального подобия. Однако как обстоит дело с отношением закона природы и общественного закона, если рассматривать его не только так, как прежде, посреди капиталистического способа производства, а в его общеисторической связи?

«Законы природы вообще не могут быть уничтожены»⁴⁸,

— говорит Маркс.

Очень интересно посмотреть, какими микроскопически мелкими фальсификациями и искажениями социал-демократическая литература пытается перевернуть смысл основных марксистских понятий, сделав из них буржуазную мысль. Упомянутое выражение Маркса, как и другие выражения относительно закона природы, приводит Франц Дидерих в своей широко разошедшейся марксистской антологии⁴⁹ под заголовком «Законы природы вечны». В каком смысле Маркс может говорить об этом? Не в абсолютном смысле, как это делает буржуазная идеология, а только в ограниченном,

относительном, а именно — в сравнении с общественными законами. Поэтому противопоставляется вечная природная необходимость трансисторической, то есть преходящей необходимости капиталистического производства. Но это никак не противоречит тому, что Маркс, с другой стороны, вводит тезис о том, что это производство происходит с необходимостью природного процесса. Возникает вопрос: выявляются ли также и законы, к которым относятся *[що під них підпадають]* некапиталистические общественные формы, в качестве законов природы? Для примитивного первоначального производства этот вопрос не стоит. Законы природы господствуют здесь над производством, оно подчиняется только этим законам природы, ибо ещё не наступила вообще дифференциация между природной и общественной формами. Слепая необходимость господствует над людьми. Она в прямом смысле является слепой (неосознаваемой) природной необходимостью.

Слепая необходимость, господствующая над людьми в их взаимоотношениях, однако, иного рода. Известно, что законы товарного производства действуют против производителя как всемогущие законы природы. С подчинением производства контролю общественности, при разумном его регулировании, одновременно исчезает принципиально слепая необходимость в этой области.

В этом заключается свобода в области материального производства. Взаимоотношения между обеими сферами заключаются здесь в том, что в конце концов будет возможна и победа над слепой необходимостью природы, когда мы победим анархию, слепую необходимость в обществе. Ведь разумное использование техники на капиталистической основе всегда связано определёнными границами. В этом контексте Маркс попутно отмечает, что в

полеводстве эти границы можно весьма ясно определить.

ИТОГИ

Вывод марксистского исследования отношений между природой и обществом, таким образом, следующий: законы природы, которые определяют обмен веществ между природой и человеком, переделать нельзя, а можно только их понять и ими овладеть, то есть целенаправленно использовать их действие. Напротив, утрачивают свою силу особенные законы капиталистического производства, выступающие как слепые законы природы, пока общество их не поймёт. С устранением капиталистического производства утрачивает тем самым свою силу особенный естественный закон существования общества, характерный для такого производства, а не общие законы природы, действие которых распространялось и будет распространяться и на общество как часть природы.

Из этого следует, что выводы этих исследований не дают ни единой причины методологически изменять те понятия природной закономерности или закономерности в обществе, используя которые, Маркс и Энгельс подступались к исследованию общественных явлений.

ПРИРОДА И СОЗНАНИЕ

Завершая, можно было бы добавить, что основание методологического различия лежит в том, что в природе нет сознания⁵⁰, в то время как в истории люди действуют как осознающие свою цель существа. Это различие разработал Энгельс в своей работе «Людвиг Фейербах» и особенно тщательно в некоторых

письмах; его рассуждения дают возможность ещё лучше понять методологическое отношение исторического материализма к этому вопросу. Хотя в истории и действуют люди, руководствующиеся теми или иными планами, это никак не меняет того, что внутренние общие законы господствуют над ходом истории. Столкновения индивидуальных поступков приводят к положению, *«совершенно аналогичному тому, которое господствует в лишённой сознания природе»*⁵¹. Можно добавить: именно с методологической стороны необходимо их считать аналогичными, несмотря на значительные различия в конкретике.

Энгельс в этой связи уделяет основное внимание аналогии между ходом природного процесса и ходом исторических процессов. До полной, содержательной мысли, диалектико-материалистического взгляда на сознание можно прийти, только принимая во внимание ряд иных выводов относительно общих положений, которые господствуют над бытием и сознанием. Они отправляют нас в область философских основ марксизма (слово «философские» здесь берётся в узком познавательном-теоретическом смысле). В этой связи нельзя упускать из внимания, что весь анализ Марксовых и Энгельсовых исследований об отношениях природы и общества, который мы пытались привести в порядок в систематической разработке, не касается познавательных-теоретических вопросов материализма и идеализма. Было бы, конечно, невозможно проводить эту разработку без материалистической науки познания, или, если точнее, без материалистического взгляда на познание, который не является более теорией познания в старом значении слова. Однако совсем иное дело — исследовать отношения природы и общества на этом основании, а уж тем более — проводить подобные исследования как таковые.

ЗОМБАРТ ПРО МАРКСОВО ПОНИМАНИЕ ЗАКОНА

Сколь просты — просто-таки самоочевидны — эти Марксовы и Энгельсовы утверждения об отношении закона природы и общественного закона с коммунистической точки зрения, столь же они неочевидны для буржуазного разума. Эту неспособность буржуазного разума понять марксистскую концепцию лучше всего демонстрируют выводы Вернера Зомбарта насчёт Марксова понимания закона.

Зомбарт цитирует не менее чем на четырёх густо отпечатанных страницах мысли Маркса и Энгельса, отобранные им из «Капитала» и других работ, доказывая, что Марксово понимание закономерности имеет разные значения, что оно имеет в себе метафизические элементы, что *«учитель в бессчётном числе случаев говорит о законе там, где нет даже состава закона в каком-либо смысле»⁵²*.

Что до цитат, то они указывают только на подчёркнутый нами факт того, что Маркс и Энгельс берут во внимание в своих утверждениях разные взаимосвязи, взаимоотношения вещей и понятий, в которых проявляется проблема закона. Из-за того, что Зомбарт не видит внутренней связности марксистского метода, ему мерещится беспорядок в этих различных формулировках, в то время как на деле он лишь цитирует беспорядочно. Ведь очевидно, что основной его целью, как и для его предшественников в области критики Маркса, является обнаружение противоречий с формально-логической точки зрения. В чём состоит противоречивость? Маркс и Энгельс представляли себе закономерность в определённом смысле идеалистической, следовательно, *сутоконструктивной⁵³*. С другой стороны, Маркс и Энгельс берут понятие закона природы, «очевидно,

не в рассматриваемом естествоведческом, а в онтологическом понимании». Зомбарт называет это метафизикой Маркса.

Тут ему протягивают руку⁵⁴ новейшие номиналистические естествоведческие трактовки понятия закона, а именно прагматизм, конвенционализм, махизм и теория идеальных типов Макса Вебера. Надо сказать, едва ли Зомбарт в своих поисках противоречий мог бы найти противоречие больше.

ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ БУРЖУАЗНОЙ НАУКИ

На деле всё обстоит так: в буржуазной науке мы встречаем, как и во многих других случаях, две до определённой меры противоречащие друг другу тенденции. Одна, а именно тенденция ранней буржуазной {политической} экономики, состоит в том, что преходящие исторические законы буржуазного способа производства считаются за вечные законы природы, а тем самым — за неприкосновенные иды. Эта тенденция выливается в натуралистическую социологию на протяжении всего её развития в XIX веке.

Другое, противоположное этому, направление в буржуазной социологии и [политической] экономике отрицает закономерность исторического развития вообще. Историческая наука, {политическая} экономика не имеют своей задачей, да и не могут выявить законов исторического развития, они могут только описывать и толковать исторический переход в его отдельных, характерных, особенных чертах. (Это направления идеалистической буржуазной философии истории Зиммеля, Дильтея, Шпрангера с одной стороны и Виндельбанда и Риккерта с другой).

Неудивительно, что первая форма буржуазной идеологии признания исторических законов законами природы господствовала преимущественно в середине девятнадцатого столетия, тогда как вторая форма толкования понятия закона преобладает в конце девятнадцатого-начале двадцатого века. Первое направление соответствует эпохе подъёма буржуазии (что, опять же, не следует смешивать с эпохой борьбы буржуазии за власть с феодальными общественными классами). Если в эту эпоху буржуазия провозгласила законы своего собственного производства законами природы, чтобы свергнуть феодальный общественный порядок, то в середине девятнадцатого столетия, когда буржуазия уже стала консервативной, речь пошла про то, чтобы власть во имя этих законов природы удерживать и увековечивать. В двадцатом столетии исчезает понятие закона, а на его место приходит учение про типы (типология), буржуазная идеология отказывается от веры, становится нигилистической, скептической, отбрасывает понятие закона. Невозможно дать здесь подробную характеристику этого сложного процесса, который, в конечном счёте, содержит в себе и определённые позитивные моменты, так же как и процесс [развития] естественно-научной методологии. Во всяком случае, марксистская критика буржуазной социологии стоит тут перед полностью новыми задачами.

Вернёмся к Зомбарту. Не имеют цены его выводы касаясь закона природы в обществе. Зомбарт говорит (стр. 212) про взгляд, в соответствии с которым Маркс и Энгельс ограничивают естественную закономерность только областью современной истории или даже, пожалуй, исторической эпохи капитализма.

«Этот взгляд я никогда не мог рассматривать до конца уважительно. Я всегда его считал нелепой шуткой: это была бы закономерность, которую,

используя Шопенгауэровский образ, можно было бы задержать, как извозчика, на любом, первом попавшемся месте: либо человеческое общество является частью природы и подчиняется законам природы, и в таком случае эти законы действуют всегда, либо, приписывая людям способность свободно действовать, мы должны непременно признать эту способность для истории в целом. Славное утверждение про „скачок“ из царства природной необходимости в царство свободы, которая должна начаться с победой пролетариата — это бессодержательная демагогическая фраза, которая относится к области социалистической мифологии».

«Можно согласиться с утверждением о том, что общественные законы природы до сих пор не были известны и потому действовали „вслепую, силой, разрушительно“, что они в будущем, укрощённые, станут на службу человечеству, как и законы внеобщественной природы⁵⁵. Но в таком случае мы признаём, между тем, их дальнейшее существование. Мысль о том, что закон природы, будучи познанным, перестаёт работать, бессмысленна» (с. 22).

Либо, либо... формально-логический неверный метод буржуазного обществознания проявляется тут в чистом виде:

1. Зомбарт не понял ничего из глубокомысленного выведения общественных законов из товарной структуры и потому не видит ни малейшей разницы между вещественным содержанием и формой действия законов природы; именно в таком ключе и следует понимать все его попытки показать, что Маркс в своих

умозаключениях приближается к идеально-типическим конструкциям.

2. Никакого исторического изменения для него не существует. Или люди были всегда свободны, или они не были никогда свободны и, кроме того, не станут свободны: разве это не явная апологетика буржуазного общества? Или поддерживается ложь о том, что человек свободен сегодня и всегда был свободен, или отрицается возможность того, чтобы он когда-нибудь мог стать свободным. Недаром цитирует Зомбарт Шопенгауэра, философа безграничной буддистской вечности. И недаром провозглашает он утверждение про прыжок из царства необходимости в царство свободы демагогией, посредством чего Зомбартово преодоление марксизма даже в его высказываниях отбрасывает «честную» форму внепартийной науки и демонстрирует себя как открытое возвеличивание буржуазной идеологии. Возражения в последней цитате против тезиса о том, что законы природы, будучи познанными, перестают действовать, основываются также на убогой неспособности отличать законы природы, которые относятся ко всем природным явлениям, от естественных законов существования общества, характерных для капиталистического производства. Зомбарт, без сомнения, прочитал «Капитал» и тем отличается от ряда своих буржуазных побратимов, которые дошли лишь до первого тома. Однако если они наверняка не читали «Капитала», то Зомбарт своей критикой марксистского понятия закона доказал, что он не понял прочитанного, ибо не хотел его понимать.

ТЕОРИЯ ОТТО БАУЭРА О ЗАКОНАХ ПРИРОДЫ

В сборнике («Der lebendige Marxismus», 1924) Отто Бауэр представляет обширную штудию⁵⁶ «Über das Weltbild des Kapitalismus», где начинается новый

поход против материализма, пользуясь новыми средствами, а также даёт важные добавления к теме «закон природы и естествознание». Бауэровский взгляд важен, потому что он как раз разрабатывает ту точку зрения, согласно которой естествознание является идеологией, хотя мы и настаиваем на том, что такой взгляд можно считать лишь возможным *[той погляд, що його накреслено як можливий, за яким природознавство є ідеологією]*⁵⁷. Бауэр считает материализм философией капитализма: «Материализм — последовательная философия системы свободной конкуренции. В нём — в механистическом взгляде на природу — исчерпывающе дано всё знание, которое кроит мир по лекалам капитализма» (стр. 431). Разве Отто Бауэр, знаток Маркса, не читал в «Святом Семействе» Марксовых замечаний про необходимую связь материализма и коммунизма? Как и весь материализм, Бауэр считает математическое естествознание капиталистическим порождением (*Gebilde*). Потому-то Кант тоже принимает капиталистический взгляд на природу, согласно которому, конечный результат всякого опыта — это математические законы движения (к слову, было бы хорошо, если б Отто Бауэр вспомнил: в каком неведомом, но, возможно, доступном ему самому, посмертном кантовском произведении он это читал? В отпечатанных и доступных кантовских работах, во всяком случае, нельзя найти этого взгляда).

Бауэр пишет:

«Теперь, когда распад механистического взгляда на природу отобрал базу у материализма, мы приобретаем критичное отношение супротив него. Только теперь понимаем, что он был не чем иным, как проекцией капиталистической конкурентной системы на вселенную» (с. 462).

Вместо перехода от механистического взгляда на природу к диалектическому материализму, чего мы могли бы ожидать тут от марксиста, австромарксист Отто Бауэр неизбежно обращается к Маху, которому, по его словам, мы обязаны ликвидацией (*Auflösung*) механистического взгляда на природу.

Однако Бауэр заходит ещё дальше Маха. В то время как, согласно мысли Маха, законы природы являют собой средства для упорядочения нашего опыта наиболее целесообразным и экономным образом, то, «согласно мысли Бауэра», *«Не упорядочивают законы природы и нашего опыта наиболее целесообразно и экономно, а делают это соответственно особым духовным потребностям того или иного общественного порядка, а в нём — потребностям определённого класса»* (стр. 464). Наконец, отношение Маха к Марксу:

«Мах считает знание способом упорядочения нашего опыта наиболее простым образом. Марксов взгляд на историю ведёт нас к тому, чтобы считать знание способом упорядочения опыта так, как это лучше всего отвечает наклонностям человека конкретного сословия определённого класса» (стр. 464).

Бауэровы выводы противоположны Зомбаровым. Попытка исправить закон природы, попытка, которую предпринимала новейшая идеалистическая гносеология субъективным путём, повторяется тут в виде будто бы объективного «марксистского исправления понятия закона». После наших вышеприведённых выводов становится лишней подробная критика бауэровского взгляда. Понятие естествознания, что мерещится Отто Бауэру, как и вообще его понятие науки, которое наилучшим образом отвечает

наклонностям определённого класса, более не имеет ничего общего с марксизмом. В чём заключается немарксистское понимание науки Бауэром? Глубокая вещественная связь, о наличии которой между интересами пролетариата и науки заявляет марксизм, заключается в том, что интересы пролетариата совпадают с интересами науки, в то время как для каждого иного класса классовые интересы позволяют лишь условно познать научную истину⁵⁸, и на определённой степени они тормозят развитие науки. Отто Бауэр умалчивает, что марксизм устанавливает такую принципиальную противоположность между пролетариатом и всеми прочими классами. Для капитализма наука — бесспорно, средство, источник прибыли, как и всё для него — только источник прибыли. И совсем не случайно пробивается капиталистический звук в выражении, которое выбрал Бауэр. Для пролетариата наука — нечто иное, и то, что мы должны считать науку фундаментом социализма, также отвечает не наклонностям пролетариата, а только его всемирно-историческим задачам. Корень бауэровской фальсификации марксизма лежит, в конечном счёте, в том, что он не способен уяснить себе посреди капиталистического общественного уклада моменты, которые указывают на будущее этого уклада. Будучи неспособен к этому в практике, не понимая тут кризиса капитализма, сей австрийский марксист доказывает, что он недотёпа также и в теории.

Если смотреть с теоретической стороны, Бауэр дошёл, как и ряд новейших естествоведов, от кризиса релятивизма, на смену которому пришёл кризис механистического взгляда на природу, не до диалектического материализма, а до агностицизма, который у него приобретает ещё будто бы марксистскую нотку, в отличие от идеалистических теоретиков познания. Это возвращение

релятивистского кризиса, однако, во всяком случае, является симптомом времени. Тем важнее то, что Энгельс предвидел это возвращение своим гениальным взглядом и считал первые его проявления у Вернера Зомбарта и Конрада Шмидта достаточно важными, чтобы открыто выступить против них.

ЗАКОН И ФИКЦИЯ

Итак, мы выяснили отношение закона природы и общественного закона. Теперь — в связи с проблемой закономерности — нам ещё необходимо принять во внимание определённые пояснения со стороны Маркса и Энгельса относительно природы общественных законов и исследовать, не модифицируют ли эти дальнейшие пояснения вышеприведённые выкладки касательно отношения природной закономерности к общественной.

ЗАКОН И ТЕНДЕНЦИЯ

Маркс пишет по поводу закона тенденции нормы прибыли к понижению:

«...противодействующие влияния, которые ослабляют и парализуют действие общего закона и придают ему характер лишь тенденции, почему мы и назвали понижение общей нормы прибыли только тенденцией к понижению»⁵⁹.

Маркс подчеркнул тут, как и в других местах⁶⁰, то обстоятельство, что действие всеобщего закона наталкивается на препятствия или бывает ослаблено. На наш взгляд, к этому нужно сказать: эти замечания чрезвычайно важны для того, чтобы покончить с определённым вечно повторяемым буржуазным возражением

марксизму со стороны тех, у кого глубочайшая мудрость, которую они могут выдать, заключается в том, что законы, установленные Марксом, будто бы не соответствуют действительности. Эти замечания указывают на то, что сам Маркс вполне понимал это положение дел, однако был также способен продемонстрировать причины, чего нельзя сказать про его буржуазных критиков. Однако, что до отношения закона природы и общественного закона, эти пояснения не обозначают никакого нового момента, который добавлял бы к вышеприведённым выводам каких-либо методологических неожиданностей. Ведь и в процессах природы законы не осуществляются с абсолютной чёткостью, против законов действуют ещё и иные законы, различные влияния пересекаются, и законы, отражающие количественные взаимодействия, также представляют собой лишь «идеальный случай», как говорит попутно Маркс про идеальную пересекаемость в экономических законах. Можно, значит, было бы с таким же правом назвать законы естествознания и тенденциями: во всяком случае, это ничего не меняет в методологическом плане для этого отношения между законами природы и общественным законом.

Среди причин, из-за которых законы экономики лишь приблизительно проявляются в реальности, здесь Маркс называет только противодействующие влияния. Однако снова был бы полностью недостаточным метод «довольствоваться отдельными местами и не рассматривать выводов в целостности, чтобы понять мысль в целом, развитую мысль марксизма». В одном чрезвычайно важном письме, пока ещё вообще не использованном для выяснения философских основ марксизма, Фридрих Энгельс высказывается про взаимоотношения понятий «закон» и «фикция». Эти соображения дополняют марксистскую характеристику экономических законов. Поводом для этого стала

работа Конрада Шмидта, который назвал закон стоимости научно-необходимой⁶¹ фикцией примерно в том смысле, в котором Кант назвал существование бога требованием практического разума, или, подробнее, мы могли бы сегодня добавить — в том смысле, в котором философия как бы («Als ob») провозглашает законы, категории, понятия фикциями.

Энгельс пишет:

«Ваши упрёки по адресу закона стоимости относятся ко всем понятиям, рассматриваемым с точки зрения действительности. Тожество мышления и бытия, выражаясь по-гегелевски, вполне соответствует Вашему примеру с кругом и многоугольником. Иначе: то и другое, понятие о вещи и ее действительность, движутся вместе, подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая. Это различие между обоими именно и есть то различие, в силу которого понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой самой действительности. По той причине, что понятие имеет свою сущностную природу, что оно, следовательно, не совпадает прямо и явно (prima facie) с действительностью, из которой только оно и может быть выведено, по этой причине оно всегда всё же больше, чем фикция; разве что Вы объявите все результаты мышления фикциями, потому что действительность соответствует им лишь весьма косвенно, да и то лишь в асимптотическом приближении».

«...все они [экономические законы — LC] не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем, но не в непосредственной

действительности. Это происходит отчасти потому, что их действие перекрещивается с одновременным действием других законов, отчасти же и вследствие их природы как понятий».

«...единство понятия и явления выступает как процесс по существу бесконечный, и таковым оно является в данном случае, как и во всех других»⁶².

Энгельс говорит далее, что даже господствующие в естествознании понятия не являются никакими фикциями, хотя они отнюдь не всегда совпадают с действительностью. Согласно замечаниям Каутского⁶³, Энгельс незадолго до своей смерти написал ещё одну работу про фикцию, обращённую против Конрада Шмидта и Вернера Зомбарта. Каутский говорит, что рукопись была, к счастью, найдена среди литературного наследия и вскоре будет отпечатана при издании этого наследия. При этом, как и целый ряд иных решительно важных работ Маркса и Энгельса, этот труд про фикцию социал-демократические хранители наследия не предали огласке. Остаётся надеяться, что товарищ Рязанов вскоре сделает доступной нам в том числе и эту работу⁶⁴.

Из всех важных мыслей Энгельсова письма обратим внимание только на важный пункт относительно нашей проблемы. Энгельс добавляет тут ко влияниям, которые описал Маркс в определённой связи, ещё одну дальнейшую причину отклонения законов от действительности. Эта причина заключается в том, что законы являются понятиями, чем определяется то, что природа общественных законов скрыта за формулировками понятий [*чим визначено природу суспільних законів за формулювання понять*]⁶⁵. Это различие между двумя точками зрения,

с которых можно рассматривать закон (с одной стороны — как объективные взаимоотношения действительности, с другой — как понятие), полностью подтверждает анализ вышеизложенного понимания закона природы. И, если рассматривать всё также с этой стороны, выходит, что понятия естествознания и обществознания не обнаруживают никаких принципиальных различий {в характере закона как понятия}. В обоих случаях речь идёт про правильное уяснение человеком понятия закона.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вопрос о том, отделены ли друг от друга методологически естествознание и обществознание, познание природы и познание общества, является не только теоретическим: он очень глубоко касается всего нашего мировоззрения, а с ним — и основ нашей политической практики.

Единство естествоведческого и обществоведческого метода для Маркса и Энгельса следует из единства природы и общества. Земное, посястороннее, материалистическое мировоззрение Маркса и Энгельса не знает никакого трансцендентизма, не только метафизического, но и методологического, во взгляде на природу. Для этого мировоззрения ни природа не является чем-то потусторонним, чужим, ни сознание — чем-то недействительным, таким, что находится вне природы. Единство человека с природой — основа материалистического мировоззрения. Энгельс в рукописи «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», сохранившейся в его архиве, доказывает, что это единство становится всё теснее благодаря естественно-научному прогрессу и что господство человека над природой на деле ведёт к этому единству. Итак, на каждом шагу мы встречаем напоминания о том, что мы

Как реорганизовать марксистский кружок?

совсем не властвуем над природой, как некто стоящий вне неё, как, бывает, завоеватель властвует над чужим народом, а, напротив, принадлежим к природе телом, кровью и мозгом, пребываем в ней; о том, что вся наша власть над ней заключается в том, чтобы уметь уяснить ранее всех других существ её законы и правильно их применить. Далее Энгельс говорит, что прогресс естественных наук делает возможным для нас также понимание дальнейших природных последствий нашего обыкновенного производственного труда. И чем более будет приходить такое понимание, тем более люди будут не только чувствовать своё единство с природой, но и осознавать это единство.

Перевели с немецкого на украинский В. Бойко и Я. Белкот

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Маркс К. Капитал, том I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10. ←
2. Маркс К. Капитал, том I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 6. ←
3. Прим. LC: Фогараши имеет в виду современную ему практику употребления слова в общественных дискуссиях, в т. ч. вне марксистской среды, а не новое,

более актуальное значение слова. ←

4. Такое определение идеологии сегодня не является общепринятым в марксизме.

Несмотря на то, что Энгельс действительно понимал идеологию как ложное сознание, в современном марксизме отношение к идеологии стало не столь однозначным.

В современном марксистском понимании идеология — это система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений. Развивая марксово учение об идеологии как ложном сознании, В. И. Ленин расширил понятие идеологии, введя категорию «научной идеологии» и указав, что в предшествовавших марксизму системах идеологии имелись научные элементы, но лишь марксизм в подлинном смысле является научной идеологией.

Идеология всегда служит правящему классу; естественно, в капиталистическом обществе она не может показывать ту картину мира, которая будет невыгодна капиталистам.

В социалистическом обществе идеология также будет присутствовать, но будет играть на руку пролетариату. И здесь стоит отметить одно важное отличие: пролетариат, в отличие от буржуазии, заинтересован именно в распространении истинной картины мира. Поэтому идеология при социализме не будет обманом трудящихся; наоборот, она станет наиболее быстрым и эффективным средством приобщения рабочих к достижениям науки и техники. Таким образом, идеология при социализме начинает терять своё содержание как ложная форма сознания. Она постепенно перестаёт быть идеологией по

содержанию и оставляет себе только форму легко усваиваемого массами тезисного знания. Подавать массам знание в идеологической форме — удобный инструмент пропаганды в условиях низкого уровня образованности масс. По мере роста образованности масс, вовлечения их в политику и развития СМИ идеология как инструмент пропаганды должна отмирать. ←

5. **Энгельс — Францу Мерингу, 14 июня 1893 г. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39., с. 83.** ←
6. Прим. LC: ссылка дана предположительно, так прямой цитаты здесь нет и сверка затруднена. В оригинале дана ссылка на страницу 140, по-видимому, немецкого издания. ←
7. Прим. LC: мы считаем, что формулировка Фогараши неудачна. Недостаточно указать на общество как на часть природы: важно подчеркнуть именно диалектику отношения общества и природы. Несмотря на то, что природа и общество всегда существуют в единстве, на что указывает Фогараши, общество своим существованием противопоставляет себя остальной природе. Общество развивается, противопоставляя себя природе, изменяя её и борясь с ней. Природа же не только пассивно воспринимает воздействия человека, но и, в свою очередь, изменяется глобально, вынуждая общество приспособляться к новым природным условиям. Из этой борьбы каждую секунду возникает развитие как общества, так и природы.
Но этим диалектика не исчерпывается. Общество само на определённом этапе становится внутренне противоречивым, когда порождает разделение труда, отношения собственности и борьбу классов. Уже это внутреннее для общества противоборство становится двигателем развития общества, изменяя вместе с тем и характер противоборства общества и природы. ←
8. Прим. LC: Фогараши, вероятно, подразумевает под доисторической ступенью

развития тот период, когда первобытные люди ещё не выработали устойчивых форм организации труда и, следовательно, ещё не сложились производственные отношения между людьми. Осмысление этих сложившихся позднее отношений же стало «являться проблемой» в том смысле, что оно явилось качественным скачком в развитии человеческого сознания. ←

9. Прим. LC: Фогараши, по-видимому, имеет в виду, что на ранних этапах развития общества люди воспринимали отношения не на таком высоком уровне развития абстрактного мышления, который позволял бы создавать сложные картины человеческих взаимоотношений, как это стало возможным позднее. Развитие общества привело к появлению различных форм осмысления общественных отношений, которые в итоге вылились в появление идеологии. ←
10. Прим. LC: она же — четвёртый том «Капитала». ←
11. Маркс К. Теории прибавочной стоимости. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 279. ←
12. Прим. LC: по-видимому, речь здесь идёт только о фундаментальных природных закономерностях, а не о конкретных предметах и явлениях в природе. ←
13. Прим. LC: по-видимому, речь о противопоставлении: а) формирования представлений о мире непосредственно на основе чувственного опыта, который происходил случайно (сам собой, хаотично) по ходу жизни людей, как это происходит и у животных; б) специально «искусственно» организованного, систематического, с определённым методом, изучения мира. ←
14. Маркс К. Теории прибавочной стоимости. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 279. ←
15. Энгельс — Марксу, 14 июля 1858 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 275-277. ←
16. Энгельс — Конраду Шмидту, 1 июля 1891 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с.

108-110. ←

17. Прим. LC: т. е. можно было бы подумать, что более общие законы качественно отличны от более частных, но на деле это не так. ←
18. Маркс К. Капитал, том I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 6. ←
19. Прим. перев.: в оригинале — «Пезанкаре». ←
20. Прим. LC: таковым является, например, идеология, как её понимал Энгельс. ←
21. Маркс К. Капитал, т. III. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 387. ←
22. Слова Маркса о царстве необходимости даны в контексте отношения человека и природы, поэтому необходимости Маркс противопоставляет «человеческую» категорию свободы. Но слова Фогараши о том, что природа исчерпывается областью необходимости — это неправомерное отвлечение от диалектики «случайность-необходимость» в сторону абсолютизации одной из сторон. Такая абсолютизация является позицией метафизического детерминизма. Читатель может ознакомиться с обстоятельной критикой данной позиции в статье Энгельса «Случайность и необходимость» — части работы «Диалектика природы» (раздел «Заметки и фрагменты» — подраздел «Диалектика»). Кроме того, уже со второй половины XIX века категория случайности была полноценно воспринята физикой в исследовании молекулярного движения и преобразования энергии. ←
23. Прим. LC: в оригинале, очевидно, ошибка: написано «статистические» — «статистичні». ←
24. Маркс К. «Капитал», том I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 516-527. ←
25. Маркс К. Капитал, т. I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 152. ←
26. Прим. LC: такой перевод **использован** в классическом русском переводе «Капитала». Здесь имеется в виду собственно преобразующая природу деятельность в её биологическом содержании, которая является существенным

видовым признаком человека, и, таким образом, является естественной для человека. Слово «инстинктивный» следует здесь понимать как синоним слов «биологический», «природный» или «естественный». ←

27. Прим. LC: информацию касаясь различия вещества и формы см. в следующем пункте. ←
28. Прим. LC: это значение, тем не менее, Фогараши не излагает должным образом в статье. На взгляд редакции LC, выражение остаётся недостаточно ясным для понимания. ←
29. Маркс К. Капитал, т. I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 523. ←
30. Маркс К. Капитал, т. I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 180. ←
31. Маркс К. Капитал, т. I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 523. ←
32. Прим. LC: это замечание особенно актуально в связи с нашим спором с МРО «Молот». «Молот», как и целый ряд других марксистских групп, вульгарно воспринимает материальное производство только как производство «вещественных» товаров. Однако на самом деле под этим подразумевается гораздо более широкое понятие. К примеру, товаром могут быть и услуги певицы или таксиста, которые не оставляют после себя никаких вещественных предметов. ←
33. Прим. LC: традиционно название этого труда переводится на русский как «Сила и материя», однако его дословный перевод с немецкого — «Сила и вещество». ←
34. Маркс К. Капитал, том I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 553. ←
35. Маркс К. Капитал, т. I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 82. ←
36. Там же. ←
37. Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21., с. 302. ←
38. Прим. LC: оригинальный текст — «жоден атом природної матерії не входить —

за словами Маркса — у субстанцію «*мінової вартости*» (*менової стоимості*)». В русском переводе использована цитата из «*Капитала*» (том I, с. 56), где использованы иные по значению термины. ←

39. Прим. LC.: по-видимому, имеется в виду, что закон общества не является неизменным, т. к. носит на себе отпечаток исторического развития. ←
40. Прим. LC.: в последнем случае речь идёт о приписывании законам потустороннего и непознаваемого характера. ←
41. Прим. LC.: под равнодушием подразумевается отсутствие какой бы то ни было свободы воли — законы сугубо каузальны и строго необходимы, потому и обладают некоторой отстранённостью, равнодушием, действуя в форме внешней необходимости. ←
42. Маркс К., Заработная плата. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6., с. 596-597. ←
43. Маркс К. Капитал, т. I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 85. ←
44. Энгельс — Йозефу Блоху, 21[-22] сентября 1890 г. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37., с. 396 ←
45. Маркс К. Капитал, т. III. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 282 ←
46. Маркс К. Капитал, т. III. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 454. ←
47. Маркс К. Капитал, т. III. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 452-453. ←
48. Маркс — Людвигу Кугельману, 11 июля 1868 г. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32., с. 461. ←
49. Прим. LC: в оригинале опечатка — «онтології». ←
50. Прим. LC: это утверждение верно лишь в смысле отсутствия в природе как целом телеологической целесообразности, в смысле невозможности атрибутивности сознания *любым* формам бытия. ←
51. Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21., с. 306. ←

52. Sombart W. Der proletarische Sozialismus («Marxismus»). — 1924. — Vol. I. — P. 196. (и далее). ↩
53. Прим. LC: точный перевод этого слова неясен, предполагается значение «конструируемой сугубо в сознании». ↩
54. Прим. LC: в оригинале — «подають собі руку»; вероятно, ошибка перевода, связанная с тем, что в немецком языке нет универсального возвратного местоимения «себе». ↩
55. Прим. LC: речь идёт о законах уровней организации материи ниже социального. ↩
56. Прим. LC: исследование. ↩
57. Прим. LC: по-видимому, речь идёт о том, что автор ни в коем случае не считает т. зр. Бауэра верной, но подчёркивает в ней рациональное зерно. ↩
58. Прим. LC: в оригинале — «правду». ↩
59. Маркс К. Капитал, т. III. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 254. ↩
60. Напр., Маркс К. Капитал, т. III. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 176. ↩
61. Прим. LC: читай — оправданной. ↩
62. Энгельс — Конраду Шмидту, 12 марта 1895 г. Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 39, с. 353-358. ↩
63. Neue Zeit, 1895, т. II, с. 646. ↩
64. Прим. LC: к сожалению, нам не удалось найти работу, о которой идёт речь. ↩
65. Прим. LC: так или иначе имеющими производный характер по отношению к законам как объективным отношениям, которые они выражают. ↩